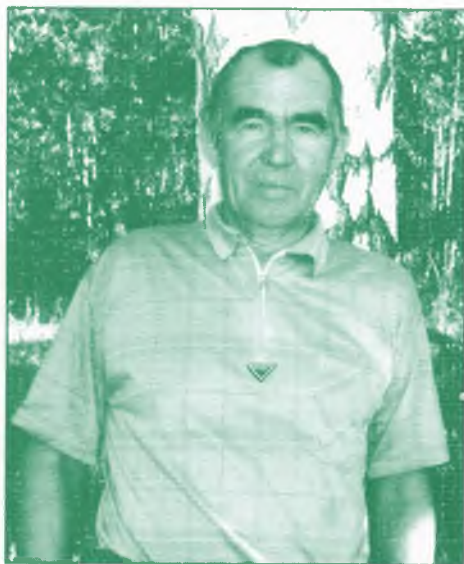

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ОГНИ
КУЗБАССА**

№ 22 2005

Дмитрий Клёстов

ИРОДОВ ЛОГ

Издательство
«Сибирский
писатель»

Дмитрий Клёстов

ИРОДОВ ЛОГ

Стихи

Кемерово 2005

ББК 84.3Р7
К47

Клёстов Д. П.
К47 Иродов лог: стихи / Д. П. Клёстов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 63 с.

ЛР030775

© Клёстов Д. П., 2005
© Издательство
«Кузбассвуиздат», 2005

* * *

Милый сердцу угол
В непечатом крае,
Приложил я руки,
Топорком играя.

Приложил я мысли
К деревьям замшелым,
Стали срубом чистым,
Теремочком белым.

И делов-то вроде
Так себе, в новинку,
Распочну колодец
И к нему тропинку.

Как по зёрнышку – жито,
Как по брёвнышку – дом,
Крепкой нитью прошито
И мудрёным жгутом.
Перехвачено напрочь,
Ни порвать ни за что.
И милуется на ночь,
И зовется гнездо.

* * *

Вдохновенное бремя тоски
Засвербит о промчавшемся лете:
Расплетают жучки-паучки
Тонкорунные чуткие сети.

Мне чарует задумчивый взгляд
Поздних бабочек лёгкая стая...
Паутинки летят и летят,
Как росинки, на солнце мерцают.

ТРИ КЛЮЧА

Три ключа из-под малахая
Настороженного холма
Три фонтанища извергают,
Пилигримов сводя с ума.

Вербный куст, наклонившись долу,
Ухитряется тяжкий грех
Искупать бахромой подола
В тех источниках, сразу всех.

Пьёт размашистыми глотками
(В бликах солнечных – херувим)
Весь увешанный лоскутами,
Словно истинный пилигрим.

Час-другой из деревни хода
Стариковскому старичью.
Тридцать лет и четыре года
Ходит праведница к ручью.

И мечтает о счастье даже,
К вербе вешая лоскуток.
Ей по-детски улыбку кажет
Вновь проклюнувшийся листок.

ИРОДОВ ЛОГ

В передрыге российских дорог,
В несуразном быту несусвета
Всё мне видится Иродов лог
В суматохе сумбурного лета.

И опять я в таёжном краю.
В ипостаси нелепой пришелец.
Бедолагой-лопатой граню
Поисковое чрево траншеи.

Мать-землица утробно вздохнет,
Угадав справедливость кручины,
Что копаю я сад-огород
Староверческой нашей общины.

Осенив двоеперстием лоб,
Мать родная от ветхой избышки
Проводила за Иродов лог
С полотняной сумой побирушки.

Благодатно рябина цвела,
Благодатью вселенской согрета.
И... сгорела деревня дотла
В суматохе сумбурного лета.

АЛЬБИНОС

Слезятся стариковские глаза:
Оттаял притаёжный околоток.
На всю урёму птичьего голоса –
Во всю-то мощь своих мажорных глоток.

Ещё лихую зиму перенёс,
Ни перед кем не преклонил колени.
Кружит в зените коршун-альбинос,
Блестящая экзотичным опереньем.

В родном краю он также бобылем
Облюбовал сиротское жилище.
Полёвку-мышь заметит под кустом
И ринется стремительно и хищно.

* * *

Разудалая Лада –
Российская прыть.
Озорная бравада –
Опрометчивым слыть.

Быть беспечно-счастливым
За баранкой-рулём...
Не разграблена нива
Столичным ворьём.

Обретаю свободу,
Подымаюсь с колен:
Крепко верит народу
Президент-манекен.

Верит в русские слёзы
Жидовская власть...
Ну, родимая, трогай,
Понеси! Понеслась.

* * *

Интуиция бедна,
А фантазия убога:
Мне счастливая дорога
Дальше отчего порога
Не слышна и не видна.

Может, мне изобразить
Благоверного скитальца
И высасывать из пальца
Нас связующую нить?

Но фантазия бедна,
Интуиция убога...
Мне красивая от бога
Сила добрая дана:

Из закута – топорок,
И рубанок из закута,
И... счастливая минута
В мой заглянет закуток.

* * *

В чистой пойме душистого лога
Семя-деревце выкопал я
И в столице бетона и смога
В катаклизмы житья-бытия
Посадил его – чуть приболело,
А потом всё же вскинуло ветвь.
Сердце долго и тяжело скорбело,
Сердцу долго и тяжело скорбеть:
Не отравит ли смрадом дорога?
Нет. Красивое тянется вверх
Благодатью душистого лога
И чарует и радует всех!

Я поклонюсь родному дому,
Калитке и всему бывшему,
Но чтобы с женщиной любимой
Мне воду в ступе не толочь,
Пройду, скрипя зубами, мимо.
Уйду, пыля ногами, прочь.

Переделать меня – никак
Злому умыслу-суесловью...
Ты задумалась, как Ермак,
К моему припав изголовью.

В голове – не белиберда,
Что в пленённом мозгу Кучума,
Не татарская я орда,
Чтоб вот так надо мною думать.

СТЫДОБИНА

Стыдобина моя,
Ни серебра, ни злата,
И красные углы,
И закрома пусты.
И коли много лет
Мы не жили богато,
Не стоит начинать,
Всё повторяешь ты.

Блефуешь – это факт,
Ведь зреет авантюра,
Топорщится, как флаг
На медленном ветру,
В твоём крутом мозгу,
И я склоняюсь сдуру,
Как маятник,
К желанному добру.

И снова
От загаданной коврижки
Не сыщешь
Запашистого следа.
Стыдобина моя,
Ты изучаешь книжки,
Как нам разбогатеть,
И этим ты сыта.

Явилась. Ступает химера,
Ниспосланная суета –
Бездонная пропасть карьера
Сжирает родные места.

Грибной содрогнётся березник,
Качнётся ромашковый луг,
И канут любезные в бездну
На вечные веки. Каюк.

Не станет крушинного лога –
Забавы отроческих дней,
Лишь тучи зловонного смога
Над милой деревней моей.

* * *

Там сосны и солнце,
И дождик косой,
И девушка в белом
С косой-резедой.
И скошена мной
На крутом косогоре
Трава-резеда
Под неопытный корень.

ОЛЕСЯ

Сырые чёботы развеса
На тальниковой городье,
Живет кудесница Олеся
В просторной лубяной избе.

До славной речки Туганака
По мочажинам, буеракам
Она поспеет в самый раз
На лёгкий хариусный пляс.

Её душа сольётся с шоу
Одним-единственным в году,
Танцора самого большого
Счастливо вздёрнет на уду.

* * *

Может, к худу, а может, к добру,
Из десятка больных и здоровых
Ни одна не пришлась ко двору
В стариковских тяжёлых хоромах.

В нём проглядывал свет доброты
В равной мере на людях и дома:
Топором не разрубишь жгуты,
Что закручивал он из соломы.

Однолетка его прижилась,
Невысокая тощая Настя,
Повидавшая лиха и счастья,
И крутую мужицкую власть.

Зануздала людскую молву
Про вдовца – нелюдима и скрягу.
Настя в детстве плела бечеву
На воловью и конную тягу.

Будто гром разорвавшейся бомбы
Оглушил половину села:
Валентина Лукьяновна бомжа
В дом большой церемонно ввела.

В печь его вековые лохмотья
И кудлато-блхастую грязь.
Над вонючей прокуренной плотью
Русским веником лихо прошлась.

Приготовила загодя ужин,
В забытии не забыв ничего,
На хрустящие простыни мужем,
Может быть, положила его.

Может быть, не стоял я со свечкой,
Но когда воссияла заря,
Потянулась она на крылечке,
Потянувшись, сказала: «Не зря».

* * *

Моя бессмысленная дань
С моей бесхитростной молитвой:
Века пребудет первобытной
Одушевленная елань.

На агрессивную тайгу
Гляжу с восторгом пацифиста:
Она десант парашютистов
Высеивает на лугу.

Ещё аршинные снега
Окутают подлесок ночью,
И на елани свадьба волчья
Отринет вопли жоака.

И нет намёка, боже мой,
На православную деревню,
Что я присел среди деревьев
На чей-то камень гробовой.

В безмолвии белом молва
Синицами тренькает гордо
О том, что осталась жива
Зверей молодая когорта.

Весна оголила бока
Сибирским простуженным сопкам,
И волки на зов вожака
Бредут по извилистым тропкам.

Голодные, злые, пока
Безропотно терпят друг друга.
И вроде последняя вьюга,
А сытая жизнь далека.

В КУЛАЕВКЕ

Михаилу Сажину

Утрами в распутице вешней,
В околице тихой сельца
Тревожит худую скворечню
Заморская ода скворца.

Не смолкнет пернатая память.
И, новые песни верша,
Всё так же кружит над полями,
Как русская наша душа.

Ютится в берёзовой кроне,
Юркнуёт в нежилую повесть,
Берёзам просвищет, а кроме
Задумчивых некому петь.

Присядет на кровле скворечни –
Когда-то родного гнезда,
И канет в распутице вешней
Невесть и незнамо куда.

В ТАЁЖНОЙ ИЗБЕ

Игра не стоит свеч:
Дороги замело.
Чтоб осчастливить печь,
Ей распалю нутро.

Брависсимо, топчан!
Свернувшись калачом,
Я грезить по ночам
Не буду ни о чём.

Ни пороха, ни пуль:
Я праведник в тайге.
Лишь несколько «буль-буль»
В дорожном рюкзаке,

Да чистая тетрадь,
Да вечное перо,
Да, чтоб стихи писать,
Я распалю нутро.

АВВА

Итожа выдумки свои
В застенках старого сарая,
Присел на краешек скамьи,
Прощально утварь озирая.

Я к деревеньке не привык
И уношу скорее ноги...
Опять юродивый старик
Возникнет молча на пороге.

Как невидимка-пилигрим,
Порхает невесомо тело...
Я буду цацкаться, а с ним
Ужо вожжаться надоело.

Но в эту утреннюю рань
Привечу нищего калеку
И скупю искреннюю дань
Воздам седому человеку:

Что не разгадан до конца,
Неуловимо то мгновенье,
Когда морщинками лица
Лукавит божье откровенье.

САЛАИРСКИЕ РОДНИКИ

В добром теле серебряных руд,
В чистокровных его капиллярах
Освящённые истоиво бьют
И, струясь, фонтанируют яро.

Молодила живая вода,
Исцеляла, сердца будоража.
И паслись, и тучнели стада
На просторах альпийского кряжа.

Разномастно пестрели луга,
Обращаясь молочной рекою,
И бессмертный рожок пастуха
Звал бурёнок сюда к водопою.

Что скорбеть о коровьей судьбе,
Изничтоженной в нашей округе?
Мне шагать неуютно в толпе
К родникам за поповской хоругвью.

* * *

Шаг махнёшь – юродивый,
Кинешь взгляд – калека.
Наплодила родина
На закате века.
Не зароешь заживо,
Не сварганишь каши...
Чей бычок обхаживал?
А телушки наши.

ЕГОРКА-ТЕЛЕУТ

Изба полна разумных пьяниц.
Причина веская тому –
Егорка обморозил палец
В своём прокуренном дому.

Кто пузырьём, кто сострадањем
Пришел восславить крепыша.
Блистала гордым состояњем
Его татарская душа.

Другому чёрная гангрена
Оттяпала бы полруки,
Сибирскому аборигену
Господни страсти – пустяки.

С утра вострил Егорка лыжи
Туда, где курочка снеслась,
Достал в мазуте пассатижи
И по больному пальцу хрясь!

Обрубок-перст воздел, как пряник
Язык при этом прикусил,
Затем открыл волшебный краник,
Свою культяпку обмочил.

В беспорядке палатки
Среди старых берёз.
В огоньковом распадке
Утром выпал мороз.

Неожиданной стужей
Прошибает до слёз,
Даже трубочкой уши,
Даже свёколкой нос.

Заморожены песни
Перепуганных птиц,
И цветы в мелколесье
Пали квёлые ниц.

Я от этого горя
В огоньковой судьбе
Ухожу косогором
По медвежьей тропе.

Я опять зарываюсь бесстыже
В нашу хвойную стылую глубину,
И скрипит заговорщицки лыжам
В унисон силикозная грудь.

Каждый ствол для меня прародитель,
В каждой кроне дыхание родни.
Я – надломленный сук. Помогите,
Распахните объятия свои.

ЗА КОЛБОЙ

Скинув с плеч инструмент шанцевый
На обочину тропы,
Разбредясь, по лесу шастаем
За горчинкою колбы.

«Рафаэлло» наше русское,
Чеснока здоровый смак,
Раззуди-ка нас закускою
Под стоградусный первак.

Есть ещё сальцо в загашнике,
Да копчёное притом.
Мы в лесу с глухими чашами
Живы будем, не помрём!

ОБОРВАНЕЦ

Радужный и смутный вечер
В неряшливой тишине,
Расхристанный человек
Шагает навстречу мне.

Насупленно брови хмурит,
В оскале фиксатый рот.
Он курит, конечно, курит,
А фарт улыбнётся – пьёт.

Не поздно ему, не рано,
Живёт он самим собой.
Вышагивает подранок
Бездомный к себе домой.

Покудова не опасен:
Есть крыша, и стены, и дно –
В чахоточной теплотрассе
Осиное свил гнездо.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

Будто в гости, будто в секту,
В дымке пасмурного дня
Ты уводишь в частный сектор
Горожанина меня.

Он не мот, и не рабочий,
И не брошенный пустырь:
Загорожен, зарешечен,
Словно женский монастырь.

Там кукуют, там воркуют,
Бремя тяжкое неся,
Там картошку уворуют,
Там прирежут поросля.

То коттедж, то развалюха,
То добротная изба.
И рычат собаки глухо
Возле каждого столба.

ЧАСОВНЯ В БЕЛОКУРИХЕ

Она взошла в ущелье тесном,
Тяжеловесна и легка,
И ко двору, и неуместна
Среди повального греха.

Я обхожу неторопливо
Часовенку со всех сторон,
И всякий ракурс объектива
Печалью одухотворён.

Снуют восторженные лица,
Забыв домашний уют,
И златокудрые девицы
Свои визитки раздают.

Лишь престарелая вакханка,
Не нагулявшая всласть,
Сюда приходит спозаранку,
На образ истово крестясь.

ПАНТОМИМА У РОДИЛЬНОГО ДОМА

Больничный быт немного скрашен,
Наполнен смыслом волевым:
Опять в стремительном чардаше
Гарцует суетливый мим.

Парнишка свой в топор и в доску,
Хандру тупую – в пух и прах,
И столько праздничного лоску
В его отчаянных глазах.

Кудесником войдёт в лезгинку,
Творя всё то же волшебство...
Немой танцует под сурдинку
Большого сердца своего.

* * *

В умирающем городке
На корню засыхают злаки.
На асфальтовом пяточке
Попрошайничают собаки.

На карнизах подтёки краски
Обесцвечены жизнью сей.
Строить рожицы, строить глазки
Там учили своих детей.

В хаотическом беспорядке
Утварь, брошенная в кусты.
И крапивой тучнеют грядки,
Где вольготно цвели цветы...

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Ещё задумчиво берёста
Играет с ветром ветровым
И грусть вечернего погоста
Склоняя с именем твоим.

Была ни близко, ни далёко
Твоя судьба к моей судьбе,
Ни дифирамба, ни погрёка
Я не вынашивал тебе.

Не знаю, кто ты, наконец,
И в чём души твоей основа.
Мне слово доброе «отец» –
Лишь нарицательное слово.

* * *

Глухонемой лопатой по хребту
Учил меня заправскому труду.

Не помогало – кулачищем тряс,
Бил по ушам и метил между глаз.

Его в сердцах я обзывал «Му-му»,
А нынче благодарен я ему.

Столбовая дорога
Прострелила насквозь
Огоньки, медуницы
Крушинного лога,
Там, где много-премного
Шаловливых берёз
И счастливых черёмух
Было много-премного.

Вдоль корявых обочин
Тальниковые пни,
В них заросшие шрамы
Дубильного лыка.
Вот и выпали мне
Милосердные дни:
Созревает моя
На угоре клубника.

Средь роскошной травы
Путь заветный просох,
Испарился росы
Перламутровый жемчуг...
Освежит мои губы
Этот ягодный сок,
И одна из больных
И красивейших женщин.

* * *

Ножи вздымает пилорама
Четвертовать тела берёз...
И нет ни горечи, ни слёз,
Ведь мёртвые не имут сраму.

* * *

Ни кафтан, ни ряса,
И мундира нет.
Не умею басом,
Не люблю фальцет.

Белая рубаха
С чёрным кушаком!
Серенькая птаха
С чистым тенорком!

* * *

Мать и мачеха – зима
Неожиданно и жданно
Засыпает закрома
Снегом белым и желанным.

Суматошная, пришла
Ходом вкрадчивым и властным,
И не скажешь ей со зла:
«Убирайся восвояси».

Можешь, право, пороптать:
Не даёт прибраться в поле.
А на рожицы ребят
Посмотри и... будь доволен!

Напрямки, вокруг да около
Ни души за сотни вёрст.
У Игната сердце ёкало –
Звал берёзовый погост.

Пусть меня, а не брательника,
Примет первого к себе...
Умирили два отшельника
В перекошенной избе.

Ни во рту росинки маковой,
Ни щепотки на столе.
В одиночку-то никак его
Не придать родной земле.

Он меня бедовой, Санович,
Проводить в последний путь.
Как-нибудь впряжётся в саночки,
Закопает как-нибудь.

Добрый снег укроет пологом,
Добрый день прорежет мглу...
И найдут в избе геологи
Два скелета на полу.

* * *

Мне бы выстроить храм
На таёжной елани:
Нараспашку ветрам
И звериным желаньям,
И потугам людским –
Человеком остаться,
Чтоб от чёрной тоски
На суку не болтаться.

Чтоб росли купола
Кедру старому вровень,
Чтоб молитва плыла
Мне по духу и крови,
Чтоб жестокой судьбы
Стёрлись жёсткие грани,
Да мешает мне «бы»
Строить храм на елани.

* * *

Я татарке построил дом.
Обманула меня татарка.
Полыхала усадьба ярко
Озорным голубым огнём.

На Циклопа хребтину гнул.
Надо мной хохотали урки.
Ночь бессонную не одну
Собирали его хирурги.

Обустроивал кров попа.
– Бог подаст, – улыбнулся отче.
То ли вор, то ли свора волчья –
Съели в стайке его быка.

Добрый ангел-хранитель мой!
Твой удар и жесток, и жёсткий:
Эти хамы прощёны мной,
А казнишь их ты, как Дубровский.

Я новое дело освоил,
Привычному вопреки,
А дело-то не мужское –
Тугие коровьи соски.

Чутьём первобытным разбужен,
Я принял божественный дар –
Телка-первородка не хуже,
Чем женщина-ветеринар.

Моя молодая скотина
Лукаво глядит на бабё:
В деревне красивый мужчина
Из стада встречает её.

КРАПИВКА

Никакого крапивного зуда,
Неприятного жжения нет,
А струится, сопутствуя всюду,
Кандыково-сиреневый свет.

Бережливая память-копилка
Снова высветит кадр золотой:
Позабытая богом Крапивка,
И девчонка, и я молодой.

– Открутилась ядрёная гайка, –
Подкузьмит легкомысленно друг. –
Изменяет красавица Тайка?
Ну и что ж, коли мне недосуг.

Заструится, сопутствуя всюду,
Кандыково-сиреневый свет.
Всё приемлю и всё позабуду,
И прощаю за давностью лет.

В ШАХТЁРСКОЙ БАНЕ

– Манька! Глянь-ка! По-моему, тать,
Подбоченясь стоит на пороге...
– Девки-бабы, туды вашу мать,
Кто сегодня мне вымоет ноги?!

Не стесняясь идет нагишом
И своей мелкотою гордится.
Кошка ловко играет с мышом
В худосочных его ягодицах.

На груди его храм, купола
Под коростою угольной пыли.
Что за сила его привела
На шахтёрские копи Сибири?

По-простецкому, кажется, прост,
Никогда не знававший печали,
Дважды удаль и маленький рост
Из завала его выручали.

Подыграет Марейка: – Пойдём,
Не таковских я видела, парень.
Но мыша твоего кипятком
Я сперва понарошку ошпарю!

Алексю Грицаю

Закружила мечта оглашенная...
На ступеньках родного крыльца
Он прощался. Улыбка блаженная
Целый день не сходила с лица.

Закружила сибирского молодца,
Будто бы на торжественный бал,
Дух мятежный мятежного Моцарта
Одарённых мальчишек сзывал.

Дальней далью душа очарована,
И на сердце легко и светло.
Там в ладони Жар-птица Бетховена
Обронит ненароком перо.

Распахнут и друзья-сотоварищи
Дару божьему божий талант,
Растерзает безумные клавиши
Разухабистый русский баян.

И таинственный лик богоматери
Снизойдёт на великий собор.
В озарённой Европе на паперти
Это будет последний аккорд.

* * *

Ты везешь молодого сына
На побывку в родимый дом.
Несусветная домовина
В отделении грузовом.
Жизнь ребячью тепло и свято
Чуткой памятью вороша...
И глядится в иллюминатор
Озорная его душа.
Он побудет совсем немного,
Ничегошеньки не прося,
И кладбищенская дорога
Разразится цветами вся.

* * *

Не вор и не мошенник,
А счастье так и прёт,
До кривеньких коленей
Животик достаёт.

Приветствую удачу –
Горящую свечу.
Я никогда не плачу
И плакать не хочу.

Заморскую чужую
И нашу болтовню
Умом своим фильтрую,
Как сладкое меню.

В одном кармане пусто,
В другом белиберда.
Картошечка с капустой –
Российская еда!

Любимая, замри
На поле огоньковом.
О чём ни говори –
Всё будет бестолковым.
Всё будет невпопад,
Обыденно и плоско.
Не надо огонькам
Ни патоки, ни лоска.

* * *

Ты легкомысленной Светлане
Дарил деревья и ручьи,
Воздушный замок на елани,
К нему заветные ключи.

Твой дух славянский нараспашку,
И горлышко не взаперти,
Готов последнюю рубашку
На одр любовный вознести.

И божий крест, не богом данный,
Нести в жестокой нищете...
Богатый край ты отдал хану
И воровской его орде.

ТРЯСОГУЗКА

Летний вечер замешан густо
На пыльце травяной, цветочной.
Мать кормящая – трясогузка
Отдыхает на проводочке.

До людей, до любого стука
Ей, однако, и дела мало.
Под карнизом передний угол
Для гнездовья облюбовала.

Челноком мельтешит пичуга –
Желторотики тоже птицы.
Указали передний угол
Мне любить и всюю молиться.

САНИТАРНАЯ РУБКА

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка – афёра
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно, мы за чай
Корабельные сосенки пилим
Могутным оборотистым «Штилем»
Прямиком в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку пересядет
В бронированный Мерседес.

Смажет Ваньку, как некую тлю
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идет санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

На корточки присяду у огня
Под куполом прокуренного чума.
Как искорка древесного угля,
Пусть отлетят навязчивые думы.

Запечатлеет, вспыхнув, объектив
Всю бутафорию трагического века.
И свой звериный нором укротив,
Шаман присядет добрым человеком.

Широкий лоб наморщит глубоко
И брови азиатские нахмурит.
Я пожалею: людям нелегко
Играть и лаять в волчьей шкуре.

*Памфлет мясникам-администраторам,
съевшим последнюю совхозную корову
в нашем богатейшем животноводческом крае*

Фу! Мясники – отребье сатаны,
Вздымайте крови пенные бокалы:
Коровка эта выжить помогала
В лихие годы праведной войны.

Под нож её!
Хватайте за рога!
Быстра и педантична гильотина.
Заморская жидовская скотина
Пусть нашу травку щиплет на лугах.

Ликуй, Барит!
Пляшите, Пестери!
Гуляй, Раздольное!
Сосновка, будь здорова!
Последняя совхозная корова
Сегодня съедена,
И чёрт ее дери.

ГОРНОСПАСАТЕЛИ

Под землей бушевала стихия
У себя на большой глубине,
Клокотала, и нам не впервые
Быть, работать и выжить в огне.

За чужие грехи беспокоясь,
В этом мире вселенского зла
Лишь одна христианская совесть
Нас по огненным штрекам вела.

Ничего не страшась и с опаской:
Никуда не уйти от судьбы.
Оттого лишь не плавилась каски,
Что мокрущими были чубы.

И вошли мои верные друзья
В этот самый кромешный бедлам,
И уже обгоревшие трупы
Удалось как-то вызволить нам.

Осторожно к ступеньке ступенька
За оскал неминуемой беды,
Вдруг в крутой вертикали гезенка
Нас настигла стихия воды.

Мокрый волос взъерошивал дыбом
В мозг и в душу вползающий страх,
И казалось, отравленный дымом,
Смоет к чёртовой матери прах.

Водопада бурлящая кипень –
И нельзя возвратиться назад.
Из погибели снова в погибель,
Из чистилища адского – в ад.

Но какая-то крестная сила
(Или, может, молитвы святых)
Православные трупы омыла
И опять окрестила в живых.

По оборышам, опять по оборышам,
Обворован я каким-то оборвышем...

Сколько раз приходил сюда загодя,
Я выращивал, растил эту ягоду.

Это поле только мной застолблённое,
Кто польстился на него, на зелёное?

По оборышам, опять по оборышам,
Охмурённая каким-то гадёнышем,

Ты с красивой крутизны оземь брошена,
Никакой новизны, а хорошая.

МРАССУ

Остепенилась на изгибе,
Сменила вздорный гнев на милость,
И бледно-розовая кипень
Спокойно к берегу прибилась.

Ни водопада, ни порога
Как будто не было в помине.
Я тоже попрошу у Бога:
Утихомириться гордыне.

СОДЕРЖАНИЕ

«Милый сердцу угол...»	3
«Как по зёрнышку – жито...»	4
«Вдохновенное бремя тоски...»	5
Три ключа	6
Иродов лог	7
Альбинос	8
«Разудалая Лада...»	9
«Интуиция бедна...»	10
«В чистой пойме душистого лога...»	11
«Я поклонюсь родному дому...»	12
«Переделать меня – никак...»	13
Стыдобина	14
«Явилась. Ступает химера...»	15
«Там сосны и солнце...»	16
Олеся	17
«Может, к худу, а может, к добру...»	18
«Будто гром разорвавшейся бомбы...»	19
«Моя бессмысленная дань...»	20
«В безмолвии белом молва...»	21
В Кулаевке	22
В таёжной избе	23

Авва	24
Салаирские родники	25
«Шаг махнёшь – юродивый...»	26
Егорка-телеут	27
«В беспорядке палатки...»	28
«Я опять зарываюсь бесстыже...»	29
За колбой	30
Оборванец	31
Частный сектор	32
Часовня в Белокурихе	33
Пантомима у родильного дома	34
«В умирающем городке...»	35
На могиле отца	36
«Глухонемой лопатой по хребту...»	37
«Столбовая дорога...»	38
«Ножи вздымает пилорама...»	39
«Ни кафтан, ни ряса...»	40
«Мать и мачеха – зима...»	41
«Напрямки, вокруг да около...»	42
«Мне бы выстроить храм...»	43
«Я татарке построил дом...»	44
«Я новое дело освоил...»	45

Крапивка	46
В шахтёрской бане	47
«Закружила мечта оглашенная...»	48
«Ты везешь молодого сына...»	49
«Не вор и не мошенник...»	50
«Любимая, замри...»	51
«Ты легкомысленной Светлане...»	52
Трясогузка	53
Санитарная рубка	54
«На корточки присяду у огня...»	55
«Фу! Мяслики – отребье сатаны...»	56
Горноспасатели	57
«По оборышам, опять по оборышам...»	59
Мрассу	60

Клёстов Дмитрий Петрович

ИРОДОВ ЛОГ

Стихи

(Приложение № 22
к журналу «Огни Кузбасса»)

Редактор **В. П. Козлов**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Т. С. Тодорович**
Автор проекта **С. Л. Донбай**

Подписано к печати 15.11.2005.
Формат 70x108¹/₃₂ Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,8. Тираж 400 экз. Заказ № 617

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

